

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ ESQUIRE И VOGUE

Меган
Хантер

Гарпия

18+

РИПОЛ КЛАССИК

Меган Хантер

Гарпия

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68523851

Гарпия: РИПОЛ классик; М.; 2022

ISBN 978-5-386-14584-2

Аннотация

Люси и Джейк – образцовые супруги. У них двое детей, уютный домик и налаженный семейный быт. Он строит карьеру. Она посвятила всю себя семье. Но тихую идиллию нарушает шокирующая весть. Джейк изменил Люси. Теперь уже ничто не будет как прежде... Боль от предательства. Разбитые надежды.

Люси и Джейк решают остаться вместе, но с одним условием. Чтобы «уравнять» супругов и спасти брак, Люси трижды причинит боль Джейку... Любым способом, каким захочет.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	10
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	43
Глава 11	47
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Меган Хантер

Гарпия

Как, будучи смущенной фантастическим взрывом своих желаний (потому что нас заставили поверить, что у нормальной современной женщины должно быть... божественное хладнокровие), не считать себя монстром?

Элен Сиксу. «Смех Медузы»¹

Нет чудовищ гнусней, чем они, и более страшной Язвы, проклятья богов, из вод не рождалось Стигийских.

Птицы с девичьим лицом, крючковатые пальцы на лапах;

Все оскверняют они изверженьями мерзкими чрева,

Щеки их бледны всегда от голода.

Вергилий. «Энеида»²

Copyright © Megan Hunter 2020

© Ковалева М. Я., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа

Компаний «РИПОЛ классик», 2022

¹ Перевод В. Постникова. – Здесь и далее примеч. пер.

² Перевод С. А. Ошерова.

РИПОД
КЛАССИК
2022

Пролог

Последний раз. Ночь теплая. Он ложится, поднимает край футболки повыше и отворачивается. Бывало, в такие вечера мне хотелось лететь по небу и верилось, что никогда не стемнеет.

У соседей барбекю. Запах мяса – сладковатый и домашний – окутывает его лицо.

Внизу крепко спят наши дети. Двери в их спальни закрыты, шторы задернуты и не пропускают свет – на улице светло, хотя и поздно.

Мы договорились насчет маленького пореза в верхней части бедра. Ничего не будет видно под джинсами и рубашкой. Мышцы там плотные, кость прочная, а волос почти совсем нет. Гладкая кожа в предвкушении своей участи.

Джейк не нервничает. Он ведет себя как человек, ожидающий, что ему сделают татуировку. У него отросли волосы и курчавятся в ложбинке на шее. Его глаза закрыты. Нет, не зажмурены, а просто закрыты. Так хитроумный ребенок приговаривается, что спит.

* * *

Они были коллегами, а потом подружились, и поначалу я

ничего не подозревала. А вскоре появились в его телефоне длинные мейлы, сообщения, возникли разные странности. Девственно-голубое свечение экрана его смартфона в темноте. Ночи, когда мы не могли смотреть телевизор, потому что звонила она. Ночи, когда я леглась рано и радовалась тому, что вся кровать в моем распоряжении.

Если я выходила – чтобы что-то взять или выключить свет, – то слышала, как меняется интонация его голоса. Нет, его голос не начинал звучать романтично или нежно... в нем просто появлялось нечто показное. Это был его «внешний голос», таким он разговаривал с почтальонами, продавцами, сотрудниками. И я думала, что это хороший знак.

* * *

На кожу Джейка я обратила внимание сразу, как только мы познакомились. Это была кожа юноши – а он и был юношей, которого поили молоком и вырастили, холя и лелея. Юношей, носившим огромные трусы-боксеры и спавшим на боку очень тихо. И еще у него были светлые кудряшки, как у ангела. Даже ресницы у него загибались кверху. А когда мы с ним ссорились, в ресницах застревали слезы. На животе его кожа была гладкой и нежной, как у женщины. Когда мы в первый раз оказались в постели, я целовала его живот.

* * *

Как-то раз поздно ночью я вышла на кухню в пижаме, прислонилась к холодильнику и устроила Джейку сцену.

– Ты хочешь спать с ней? – спросила я у него. – Думаю, лучше бы нам все это прояснить.

Он рассмеялся.

– *Видела бы ты ее*, – сказал он. – Она...

Джейк умолк и не стал говорить о том, что она скучная, немолодая и что у нее плохо пахнет изо рта.

– Она замужем, – в итоге проговорил Джейк и посмотрел на меня почти добрыми глазами.

В ту ночь мы не прикасались друг к другу.

* * *

Я поднимаю лезвие. Под краем серебристой стали выступает хрестоматийная капля крови. Таких ярких цветов я не видела никогда. Они резкие, как в мультфильме: белая кожа, футболка цвета морской волны и темно-красная кровь, изливающаяся из раны. Джейк молчит, не издает ни звука.

Часть первая

Думаю: поверят ли мне люди, если я скажу, что никогда не была жестока? Никогда не зажимала теплую шею ни одного животного в сгибе локтя и не отнимала ни у кого жизнь. Никогда не была одной из тех женщин, которые мечтают отшлепать своих детей, когда те плохо себя ведут, у которых эти сцены прокручиваются перед глазами, как пейзаж за окном быстро идущего поезда.

Я никогда себя никому не навязывала, ни к кому не лезла под одежду и не пыталась высосать любовь из другого человека. Ничего такого!

Помню, в детстве я испытывала нестерпимое чувство вины, когда придавливала пальцем насекомых, одного за другим. Я видела, как Вселенная гаснет и жизнь становится смертью, вспыхивая на миг, – говорили, что так работает атомная бомба. Я поняла, на что способен мой палец, и перестала делать это.

Глава 1

Это случилось в какую-то пятницу. Мальчишки с трудом дотягивали последние часы учебной недели, а я всеми силами старалась не срываться на них. Чувствовала себя кораблем на причале, когда стоянке нет конца. Я забирала детей из школы, готовила им что-нибудь повкуснее, а мне доставались в награду обрывки их дней, как обертки от конфет. Была почти середина зимы. Когда я вела ребят домой из школы, умирающее солнце садилось за площадкой для игр у нас на заднем дворе. Птицы разлетались в стороны, словно бы прочерчивая линии карандашами на фоне красок заката.

В то время я постоянно слышала гогот гусей, пролетающих стаями над нашей крышей, и чувство было такое, будто я живу на краю болота, а не на окраине небольшого богатого городка. Я закрывала глаза и представляла себе, как зеленая тина, покрывающая воду, пропитывает всю мою кожу.

Если кто-то когда-нибудь об этом узнает, догадываюсь, какой они сделают вывод: я ужасный человек. Я ужасный человек, а они – те, кто все узнает, – очень хорошие. Добрые, сердечные, приятные люди. Привлекательные, от них хорошо пахнет. И этот человек... наверное, эта женщина ни за что на свете не сделала бы такого, что сделала я. Нет, она бы и пытаться не стала.

Глава 2

В тот день мальчики были счастливы. Никто не скандалил, дети не ложились посреди дороги, капризничая и дрыгая ногами.

Когда мои сыновья были помладше, я то и дело поднимала их с тротуара. И время в пути могло стать на минуту дольше, а то и на час. На неделю! Старший, Пэдди, никак не мог смириться с появлением братишки и, когда был младше, бунтовал каждый день, и казалось, что мы все навсегда застрянем в тех мгновениях.

Как раз перед тем как я поняла, что происходит, я почувствовала, что выпустила своих детей из клетки. Они вдруг стали свободными, резвыми, раскрепощенными. Особенно изменился Пэдди. Он обрел внутреннее спокойствие, и я начала осознавать, что это свойство его характера. У моего старшего сына появились мысли, начавшие образовывать нечто наподобие неизведанной загадочной территории, которую не так просто было покорить.

В тот вечер Пэдди был особенно добр к младшему брату, и его доброта стала для меня просто благодатью. Младший, Тэд, старался не ссориться с Пэдди и словно излучал мистический свет, напоминавший солнечные блики на дне бассейна. Дети собирали хворост и еловые шишки. Тэд закатал край школьного свитера и укладывал туда добычу, как

в карман. Его маленькие пальчики порозовели от холода.

«Надень перчатки!» За семь лет многие фразы стали де-журными, абсолютно пустыми, но я все равно продолжала их произносить. Казалось странным, что мне приходится создавать детям неудобства, вместо того чтобы просто смириться с тем, что им все равно, а может быть, ребятам даже нравилось ощущать, как плоть леденеет и становится бесчувственной, а пальцы покалывает от холода.

Когда мы проходили мимо поля, солнце уже совсем догорало. Оно стояло так низко над линией горизонта, что на него уже можно было пристально смотреть. Тэд прижался ко мне. Да, если задуматься, выглядело страшновато: огненный шар так близко от нашего дома.

В последние годы дом стал казаться мне чем-то вроде близкого друга, даже скорее возлюбленного. Он поглощал так много часов моей жизни. Моя сущность растворялась в его стенах, словно дым. Я легко могла представить, что дом подмигивает нам, когда мы подходим ближе. Окна – это конечно же глаза. Задняя дверь – тактично сомкнутые губы. И хотя я проводила в доме почти весь день, все равно стремилась каждый раз как можно скорее снова ощутить его спокойное, тихое, автоматизированное тепло центрального отопления и защиту крепких стен.

Когда мы вошли в дом, оранжевые отсветы солнца ложились на стены, мебель, взбирались вверх по шторам и постепенно гасли. Мальчишки повалились на диван и принялись

искать пульт от телевизора. К телевизору я всегда относилась либерально. Даже не знаю, смогла ли бы я выжить иначе, если бы не было периодов, когда мысли моих детей отделялись от моих, удалялись из моего сознания, как кожура, и словно укладывались в коробочку. Когда Тэд был грудным младенцем, а Пэдди было годика три, я, бывало, включала телевизор по вечерам на несколько часов, и тогда негромкие звуки соединялись с биением моего сердца, становились частью меня. Но годы спустя, когда я слышала музыку из тех программ, которые тогда любил Пэдди, она казалась мне безумной. *«Ты плохая мама, – распевали говорящие обезьянки и лиловые жирафы. – Ты все испога-а-а-анила-а-а».*

Пэдди всегда мог смотреть передачи спокойно и тихо. Он не отвлекался, ему не наскучивал телевизор. В прежние годы это давало мне время покормить Тэда. То были долгие кормления, в которых нуждаются новорожденные. Крошка Тэд сосал и сосал молоко, равномерно, еле слышно чавкая. А рядом со мной тихо дышал Пэдди, питавшийся телепрограммами.

Теперь, приводя детей домой из школы, я становилась официанткой, но я не имела ничего против этого. Возможно, это напоминало мне о временах, когда я вправду подрабатывала официанткой, варила кофе и подметала пол. Такая работа мне нравилась. Нравилась ее простота и то, что я уставала так, что казалась себе прозрачной и совершенно открытой для мира. А когда от меня ничего не ждали, то усталость

была другая. Так приятно было удобно устроиться на кожаном диванчике в ресторане после работы с коллегами и напиваться до полусмерти.

Я готовила мальчикам перекусы с мастерством, которое освоила в те годы. Я укладывала куски хлеба на стол рядами и один за другим намазывала маслом. Я запомнила, как один мой босс, когда я работала в кафе, где мы готовили сэндвичи, говорил мне, что масло образует барьер, и тогда любая начинка не протечет на хлеб. Все мои боссы всегда были ужасно нервные, и я воспринимала их психозы совершенно равнодушно. Вот и сейчас я примерно так же себя чувствовала, когда несла сэндвичи детям, сидевшим на диване. Джейк всегда твердил мне, что не стоит кормить детей на диване, так как еда привлекает грызунов. И он был прав. Я действительно стала слышать, как кто-то скребется то ли за стенами, то ли под половицами, но никогда не могла понять, откуда исходят эти звуки. Я положила детям на колени большие салфетки, на салфетки уложила сэндвичи и попросила мальчиков не ронять крошки.

Я возвращалась на кухню, когда зазвонил мой телефон. Звук был очень тихий, его легко было пропустить мимо ушей, но я все же поспешила к телефону с какой-то тревогой, подумав о Джейке и гадая, на каком поезде он едет. Я привыкла к самому худшему варианту – поезду, отправлявшемуся в семь пятнадцать. К этому времени дети обычно уже ложились спать, а ужин для Джейка стоял на столе, тарел-

ка была накрыта другой тарелкой, и мы с домом оставались наедине и ждали Джейка. Но я все равно надеялась на лучшее, то есть на то, что он выехал поездом, отправлявшимся в пять сорок пять и вот-вот войдет в дом и принесет с собой энергию внешнего мира в то самое время, когда ванна будет наполняться водой, а я уложу посуду в посудомоечную машину. «Папочка ко сну», – скажу я и улыбнусь детям, как всегда, когда мы слышим особенный стук входной двери, и у мальчиков радостно порозовеют щеки.

В общем, как я уже сказала, я подумала о Джейке и о том, каким поездом он возвращается, когда услышала телефонный звонок. Но очень может быть, это я теперь так думаю, потому что то, что случилось потом, пошло сильно вразрез с моими мыслями. Я не успела взять трубку, как телефон умолк. Я увидела, что звонили с незнакомого номера. Сочетания цифр на экране вместо имени всегда казались мне враждебными – это были знаки людей, звонивших с предложениями услуг или для вымогательства денег. Я положила телефон экраном вниз и открыла холодильник. Достав упаковку курятины, включила духовку. Телефон зазвонил снова – робкие одиночные высокие нотки, похожие на блеяние овцы. Теперь он лежал так близко от меня, что трудно было никак не отреагировать на звонок. Я перевернула телефон и поняла, что пришло сообщение на голосовую почту. Я поднесла телефон к уху.

Вот оно – последнее мгновение. Дети смотрят телевизор. Солнце село. Задний двор превратился в черный прямоугольник. Я смотрю на себя... я смотрю на нее.

Она поворачивает переключатель. Духовка включается. Дальняя подсветка, словно сцена в театре, волна горячего воздуха. Она берет телефон. Она ничего не знает. Она вряд ли о чем-то догадывается. Кожа у нее чистая, без морщин. Ей едва за тридцать. Не красавица. Ничего особенного. Но пока что у нее есть это... это незнание, от этого мгновения и до бесконечности оно принадлежит ей.

Глава 3

После гудка сначала ничего не было слышно, а потом прозвучал глубокий вдох, даже скорее преддверие вздоха. А потом слышались слова. Это скорее даже были не слова, а какие-то непонятные частицы, что-то, направленное на изменение строения моей вселенной – пластикового пакета с курицей у меня в руке, плиты и раковины, радио приемника.

Говорит Дэвид Холмс. Я муж Ванессы Холмс. Я подумал, что вам стоит узнать...

Судорожный звук – словно человек сглотнул слюну, по телефону не разберешь, что там происходит с жидкостями в чужом теле.

Ваш муж... Джейк, Джейк Стивенсон... спит с моей женой. Он... я узнал об этом сегодня. Подумал, что стоит и вам узнать.

Мужчина повторил эти слова дважды: он думал, что мне стоит узнать. Он произнес это так – даже при том, что его голос дрожал и срывался, как у подростка, то взлетая к фальцету, то опускаясь до баска, – словно считал, что это очень важно. Казалось, он все продумал, будто знал, что такие зна-

ния очень важны для супружества, что это правильно. Он очень старательно произносил все имена и фамилии, словно хотел, чтобы все прозвучало официально. Голос его звучал серьезно, по-профессорски. Может быть, он и был профессором, а у меня всегда была слабость: я любила слушать ученых людей и верила тому, что они говорят. Было время, когда я сама немного училась искусству такой речи.

Поэтому, услышав эти слова, я кивнула и положила курицу на стол.

Глава 4

Я представила себе, как отреагировала бы на такую новость женщина в кино. Она бы задрожала. Я вытянула руку, чтобы посмотреть, дрожит она или нет. Но легкий тремор был свойствен моим пальцам всегда. Они едва заметно двигались – каждый сам по себе. Казалось, что передо мной при свете кухонных ламп шевелятся разные существа.

В соседней комнате работал телевизор как ни в чем не бывало. Как-то в детстве я ужасно расстроилась, когда узнала, что телевизор не может меня защитить: я привыкла считать его разумным существом, способным ощущать опасность. А потом я как-то раз увидела передачу с реконструкцией убийства, и там женщина лежала на диване, а над ее головой бормотал телевизор...

– Пожалуйста, мамочка, можно мне попить!

Мы научили детей говорить «пожалуйста», а входить на кухню и наливать себе воду из пластикового кувшина, стоящего на небольшой высоте, не научили. Да, мы этого не сделали, а винили во всем детей, и каждый раз, когда они звали нас, своих слуг, и просили попить, мы делали большие глаза. Когда я была с детьми одна, исполнять роль прислуги мне было легче. Я автоматически выполняла все нужные движения – от шкафчика с посудой до раковины, от рако вины в холл, к мальчикам, просящим пить. Некоторые с тоской пи-

шут о том, что женщины, погрузившись в материнство с головой, теряют себя, но разве мало всякого такого, в чем мы готовы потеряться? У меня никогда не вызывала возражений работа по дому – взять, отнести, сделать что-то руками.

Я начала готовить ужин. Готовить я умела всего несколько блюд, по большей части самых простых. У меня имелась целая полка книг кулинарных рецептов, как у большинства хозяек, и время от времени я что-то готовила по рецептам – то обуреваемая новогодней волной энтузиазма, то после того, как то или иное блюдо мне привиделось во сне. Но как бы просты ни были эти рецепты, в дальнейшем я ими почти не пользовалась. Но вот рецепт, к которому я привязалась: куриную грудку порезать на кусочки и каждый обмакнуть в миску с мукой, приправленной специями. Мне даже приправлять муку специями нравилось. Просто удивительно было смотреть, как соль и перец смешиваются с белой мукой и придают курятине особенный вкус. Приготовление пищи всегда казалось мне загадочным, искусством невидимого.

Я резала курятину и замечала, что она стала какой-то другой. Волокна мякоти изменились, стали более зернистыми, а поверхность грудки без кожицы стала почти прозрачной. *«Я женщина, у мужа которой роман на стороне»*, – мысленно сказала я себе, как будто эти слова могли каким-то образом повлиять на реальность. Потом я произнесла их вслух. Мне захотелось ощутить вкус этой фразы языком, проговорить эти слова губами в определенном ритме. Я произнесла

имя женщины.

Ванесса. Когда я ее впервые увидела, она смеялась на рождественской вечеринке. Потом мы с ней пожали друг другу руки на корпоративе, и потом еще я видела ее несколько раз. Подтянутая, с прекрасной осанкой, она хлопала в ладоши. Очень аккуратный пиджак. Пряди волос убраны за уши. Где, интересно, она покупала эти пиджаки? Наверное, у нее имелся личный хозяин бутика, демонстрировавший ей стойки с почти одинаковыми пиджаками и описывавший мельчайшие различия в их крое. Ванесса Холмс. Вздернутые брови, тонко выщипанные. Волосы, собранные в хвостик, как у маленького зверька.

Я заметила, что меня подташнивает. Так замечаешь, что с полки упала книга, – рассеянно, отстраненно. Когда я рожала Пэдди, акушерка предложила мне петидин и сказала, что боль это лекарство не снимет, но поможет меньше думать о ней. «Вы боль чувствовать будете, – пояснила акушерка, – но она ничего не будет значить для вас». Эта боль, отделенная от меня, очень меня привлекала, но не время было принимать лекарства, потому что в это самое время Пэдди родился и мне не пришлось делать выбор.

Порезав курятину, я выжала на нее сок целого лимона – этому меня научила мать. Моя мать готовить не любила, но кое-какие секреты знала. Она знала, как сжать в кулаке толстую желтую кожицу лимона, как вонзить в нее ногти и сдавить изо всех сил. Я, выжимая лимонный сок, заметила –

снова как бы в небольшом отдалении от себя, – что вдоль моей груди словно бы прошелестел легкий ветерок. Я сжала лимон крепче, и струйки сока попали на раскаленную сковородку. Я стиснула зубы. Я сжимала и сжимала лимон, чувствуя, что мое лицо искажает уродливая гримаса. Когда в лимоне не осталось ни единой капли сока, я отвернулась от плиты, чтобы выбросить шкурку. На пороге кухни стоял Тэд и смотрел на меня, раскрыв рот.

В нашей семье злобность передается по наследству – от моей прабабушки перепало бабушке, от нее – моей матери, а от матери – мне. Но, возможно, злобность уходит корнями еще дальше, к моей прапрабабке, у которой было двенадцать детей, трое из которых умерли.

Одного младенца, как гласит семейное предание, она оставила в коляске на солнце, и у него кожа покрылась волдырями. Я эту историю знала с детства, но когда рассказала матери, та объявила, что я все выдумала. Так и осталась для меня загадкой эта женщина с двенадцатью детьми. Она была слишком сильно занята и не заметила, что младенец в коляске стоит на солнцепеке? Или забыла о нем?

Глава 5

Все случилось по самому худшему сценарию: Джейк вернулся после восьми вечера. Мальчики спали, а я нет. Я лежала на кровати Тэда, обняв его, чтобы сын крепче заснул. Да, я знаю, ложиться с детьми и убаюкивать их нельзя, это неправильно. Но все же у меня довольно часто так случалось – после плохого вечера, например. Тэд прижимался ко мне, и его сонное сопение казалось мне самым убаюкивающим звуком на свете. В тот вечер я пела Тэду песенки. Он попросил, и я пела, хотя Пэдди закрыл уши ладошками и кричал: «Мама, замолчи!» На самом деле оба моих сына спокойно и быстро заснули, а я пела и пела, пока не охрипла и горло не разболелось. Тогда голосовое сообщение стало казаться мне отвлеченным и совсем чуть-чуть опасным, во всяком случае не опаснее фейерверка в небе.

Я услышала скрип и такой знакомый вздох двери, похожий на звук аккордеона, и шаги Джейка, и то, как он положил портфель на стул около стола. Я не пошевелилась. Джейк негромко окликнул меня снизу, от подножия лестницы. Наверное, подумал, что я все еще сражаюсь с детьми, пытаюсь их уложить спать. Слишком часто он входил в детскую в тот самый момент, когда у Тэда уже слипались веки, и тогда мне приходилось начинать весь процесс снова. Поэтому Джейк окликнул меня только один раз. Я услышала, как он прошел

на кухню, закрыл дверь и поставил тарелку с ужином в микроволновку.

По всей видимости, мои родители относительно телевизора тоже были весьма либеральны, потому что я, представляя себе драматические сцены в своей жизни, рисовала их в уме похожими на те, которые видела в телесериалах. Те эпизоды, которые я пересматривала снова и снова, казались мне куда более осязаемыми, чем мое собственное существование. Я никак не могла придумать, как поговорить с Джейком таким образом, чтобы это не напоминало сцену из сериала и не выглядело слишком театрально. Я могла бы наброситься на него, начать колотить кулаками его в грудь и потребовать, чтобы он рассказал мне все. А могла бы спокойно, без крика, взять его рубашки и порвать их на мелкие кусочки. Еще я могла бы...

Тэд заворочался. Когда он спал, его руки почему-то становились очень тяжелыми. Он откинулся на спину, словно край паруса под ветром, пробормотал что-то неразборчивое и попытался разлечься на всей кровати. Надо было уходить. Я подумала, не подняться ли тихонько наверх в нашу спальню и не притвориться ли спящей, но сама эта мысль показалась мне нелепой. Я словно бы заранее ощутила пустоту постели и услышала тот особенный скрип кровати, когда Джейк укладывался, а я уже лежала с закрытыми глазами.

Спускаясь по лестнице, я подумала было, не повести ли себя так, будто я ничего не знаю, но неискренность моего поведения сразу стала бы очевидной: наверняка *она* сказала ему все. При мысли о *ней* – ее имя вдруг стало невыносимым – что-то изменилось. Внутри меня что-то оборвалось, а ведь я всегда боялась, что это случится, что какой-то мой орган оторвется от остальных и примется свободно плавать по организму.

Потому что, сколько я себя помню, я всегда боялась за свое сердце. Когда мне было десять лет, я убеждала родителей в том, что сердце у меня бьется неровно, с пропусками ударов. В итоге меня отвели к врачу и облепили грудь пластиковыми присосками. Врачи объявили, что сердце у меня здорово. Когда мне было шестнадцать и я очень плохо переносила пору экзаменов, мне даже прицепили холтер – особый прибор, который должен был регистрировать то, что я ощущала, а мне казалось, что мое сердце бьется с бешеной скоростью, словно пытается вырваться из груди. И в тот раз мне тоже сообщили, что со мной все в полном порядке, и после этого я перестала кому-либо говорить о том, что вытворяет мое сердце – как оно ныряет в бездну, летит в обратную сторону, пытается высвободиться...

Я крепче сжала перила, чувствуя, как внутри меня неви-

димо зарождается что-то очень неправильное. К тому моменту, когда я подошла к Джейку, я покрылась испариной и часто дышала. Мне уже ничего не надо было говорить.

Глава 6

Джейк налил мне воды. Он повернул кран и дождался, пока вода станет холодной – несколько раз подносил руку к струе. Стакан, который он мне протянул, был скользким, а вода – свежей и холодной, как родниковая. Я выпила весь стакан, делая вдохи между глотками.

Джейк смотрел на меня. Обычно в это время он начинал жаловаться на поезд, на других пассажиров: «Такая жуткая теснота, такие хамы...» И говорил он все это с набитым ртом, попутно жестикулируя вилкой. Но сегодня муж ел медленно и аккуратно, не спуская с меня взгляда.

– Как прошел твой день? – спросил Джейк, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно более обыденно.

Порой я думала, что это и есть самое худшее в браке – то, что ты постепенно начинаешь понимать, что означает тот или иной тон, каждый жест, любое мельчайшее движение. Иногда, даже до того, как случилось все это, я мечтала о недопонимании, мне не всегда хотелось знать, что Джейк имеет в виду.

Я поставила стакан на стол, натянула рукава кардигана. Несколько секунд я дала продлиться молчанию, ощущая в нем свою неосведомленность, реальность жизни без знания об *этом*.

– Джейк, я говорила с...

На секунду мне показалось, что я забыла имя звонившего мне человека и что это нас может спасти. Нас обязательно спасет моя забывчивость. Подумаешь, какое-то скучное имя, которым назвали кого-то несколько десятков лет назад... Я подумала, что все обойдется и Джейку это сойдет с рук.

– С Дэвидом Холмсом, – вспомнила я, словно поймала эти слова на крючок. – Он рассказал мне о тебе и Ванессе.

Я сглотнула сдавивший горло ком. Рука Джейка с вилкой замерла в воздухе. Я ожидала мгновенных покаяний, думала, что лицо мужа искривит гримаса сожаления – это было бы очень ново. Я такого еще ни разу в жизни не видела. Но Джейк вместо этого разозлился и стал похожим на старого пса. Он покачал головой:

– Старый идиот!

Джейк уронил вилку так, что она упала на тарелку – совсем домашний звук. Ничего такого, что могли бы услышать соседи. А потом муж резко отодвинулся на стуле от стола. Вот этот шум соседи могли услышать – стены у нас тонкие. Затем Джейк вскочил и принялся ходить по кухне, запрокинув голову назад и обхватив ее руками. Он словно бы забыл, что я рядом, а я ощущала себя совсем крошечной. Сидела, скрестив ноги под стулом. Паника утихла, ее место заняла выпитая вода, и теперь она гуляла волнами внутри меня.

Джейк продолжал ходить из стороны в сторону – он словно бы пытался принять какое-то решение. Наконец подошел ко мне. Его лицо стало другим, как будто моложе. Все было

новым – его эмоции, выражение лица, то, что он опустился передо мной на колени и потянулся ко мне руками.

– Люси! Люси, пожалуйста... Это было... Это не...

Я видела, что Джейк старается не произносить избитых фраз. Старается не говорить ничего такого, что мы с ним тысячу раз слышали. Все эти глупые, несчастные придуманные парочки в телесериалах – они даже своих слов не могли найти для объяснения. Вот и мы допрыгались.

– Ванесса? – Я ничего не смогла с собой поделать. Ее имя наполнило мой рот, слетело с языка. – Ванесса? – Эти свистящие звуки в конце имени, а потом звук «А» – и я раскрыла рот, задыхаясь. – Она такая... Ты мне обещал...

Эти слова я процедила сквозь зубы, словно боялась снова раскрыть рот, словно думала, что делать этого не стоит.

– Я это прекращу, – пробормотал Джейк, уткнувшись лицом в мои руки.

А я чувствовала, что от них пахнет увлажняющим кремом. Я смазывала им щеки Пэдди перед сном: он страдал диатезом. У крема был горьковатый, химический запах.

– Я... – Джейк заплакал, это вызвало у меня отвращение и заставило вскочить со стула.

Однажды я видела, как плакал мой отец. Они с матерью, бывало, на куски друг дружку рвали. «Домашнее насилие» – так назвал это психотерапевт. Но мы в таком тоне с Джейком никогда не говорили. Что касается моего отца, то он час спустя уже запросто мог что-то напевать себе под нос и жарить

бекон на ужин, усмехаясь краешком рта. А Джейк рухнул на пол около кухонного стола и закрыл лицо руками. Он плакал громко, навзрыд, но не так, как плачут дети или женщины. Он плакал так, как плачут мужчины.

– Спи на гребаном диване, – прорычала я Джейку, этому тарантулу, этому существу с бессчетным числом шипов и острых зубов, которое могло в любую секунду наброситься на меня.

«Спи на гребаном диване», муж, плачущий на полу в кухне, – банальность за банальностью, как это случилось? В это мгновение ситуация стала казаться мистической – как же это мы ухитрились стать такими, как все? Происходящее было загадочным настолько, что напомнило мне восприятие Бога в детстве – я представляла Его как нечто едва заметно присутствующее, абсолютно неведомое, такое, что никогда невозможно увидеть целиком.

Когда я была маленькая, у меня была книга – теперь ее уже не издают, и она была очень дорогая – о единороге, который ушел жить в море и превратился в нарвала. В книге были очень красивые картинки – темно-синее море, бледно-персиковые закаты. Но лучшие всего мне запомнились иллюстрации, на которых были изображены гарпии – птицы с женскими лицами. Они прилетали, чтобы мучить единорога, заставляя его страдать.

Я спросила у мамы, кто такие гарпии, и она мне ответила: гарпии наказывают людей за грехи.

Глава 7

На следующий день все пошло как обычно, и поначалу я этому радовалась. Джейк принес мне чашку чая, и я выпила его в кровати, глядя на то, как муж играет с детьми. Я наблюдала за его поведением, за его улыбками. Пэдди очень серьезно разговаривал с ним о каком-то редком виде акул – акуле-гоблине, и они какое-то время рассматривали фотографии чудовищной рыбы в Интернете. Оба были в пижамах. Тэд лежал рядом со мной. Он еще не до конца проснулся, и из-под края одеяла были видны только его глаза.

В этот день у друга наших мальчиков был день рождения, и мы отправились туда все вместе. Играла негромкая музыка, мы пили кофе из тонких фарфоровых чашечек и болтали с другими родителями о плавательных клубах и новой учительнице. Джейк разговаривал только с другими отцами. Я поймала себя на том, что благодарна ему за это – это было нечто вроде подарка мне. Будто птичка поймала мышку и принесла. А у меня было странное желание поделиться своей бедой с кем-нибудь из мамочек, затащить кого-нибудь из них в ванную – так, бывало, мы секретничали в туалетных кабинках с фанерными перегородками в школе. Я могла бы выбрать Мэри. К примеру, я уже знала, что они с мужем занимаются сексом в субботу по утрам. Она обмолвилась об этом как-то во время невинной болтовни о том, кто какие

передачи смотрит по телевизору. Во время того разговора я уяснила для себя, что приуменьшаю свою статистику, а Мэри преувеличивает свою. «Мы нашим детям позволяем смотреть телевизор только по утрам в субботу, – сообщила мне она. – В это время мы можем кое-что себе позволить».

Невзирая на это признание, дальше Мэри в своих откровениях не пошла. Никто никогда со мной особо не откровенничал. Я пробовала вести себя искренне в группах книголюбов и на заседаниях родительского комитета, но это никогда не заканчивалось хорошо. Как-то раз, опьянев от просекко и объевшись суши, я поинтересовалась, кто какой контрацепцией пользуется. Ответом мне было глухое молчание.

– Просто нам, наверное, везет, – пошутила одна из мамочек и рассмеялась.

И все рассмеялись. Разговор был окончен.

А я гадала: быть может, все они тайком вставили себе в матку спирали – эти витые металлические штучки, очень эффективные противозачаточные средства? Я подумывала о том, чтобы сделать то же самое, но не решилась: мне была нестерпима мысль о том, что кто-то засунет внутрь меня руку. После одних обычных родов и вторых, с кесаревым сечением, у меня было такое чувство, что мое тело навсегда закрылось для гинекологических вмешательств. Не так давно я несколько недель психовала перед тем, как у меня должны были взять мазок, и в итоге отказалась, как только медсестра заглянула внутрь меня.

– У вас менструации не закончились, – сказала медсестра, и это прозвучало как предостережение.

* * *

После детского дня рождения мы все уселись в машину, оставленную на стоянке промышленного центра. Моросил мелкий дождь. Мальчишки стонали на заднем сиденье, перечисляя все, что было плохого на празднике, и ссорились между собой. Джейк, не глядя на меня, предложил заехать в супермаркет, и я согласилась. Мой голос почти не был слышен на фоне шуршания шин по асфальту. Я закрыла глаза, чтобы чувствовать только то, как быстро мы едем и насколько я позволяю себе плыть по течению.

Я понимала, что должна жалеть единорога, ощутить его боль своей кожей.

«Бедняжка», – всегда говорила моя мать, переворачивая страницу книги.

Но меня тянуло к птицеженицам. Я не могла удержаться и то и дело пыталась представить, как это могло быть – как мои крылья расправляются, как весь мир растилается подо мной.

Глава 8

Ощущения возникли не сразу. Они приходили медленно, постепенно. Мы пошли в супермаркет, и я долго продумывала разные блюда, которые приготовлю для всех и которые Джейк будет есть. Будет сидеть и жевать приготовленную мной еду, глотать ее. Я приглядывалась к ситуации издалека, искала лазейки, через которые могла бы ускользнуть. Мне казалось очень важным вынести эту самую мысль: я буду отбивать мясо, переворачивать его на сковороде, а Джейк его будет жевать, переваривать, и оно будет становиться частью его тела.

Я подумала и решила, что стерплю это, но заметила и другое ощущение – в области пупка или чуть ниже, ближе к шраму, оставшемуся после кесарева сечения. Оно распространилось по всему животу и было похоже на предменструальный спазм или раннюю схватку. Это заставило меня настроиться. Когда Джейк вернулся ко мне с тележкой, я обратила внимание на то, что он, наклоняясь к самой корзине, улыбается, рассказывая Тэду что-то смешное, а Тэд развалился на специальном детском сиденье и с такой силой сжимал пухлыми пальцами ручку тележки, что они побелели.

Мальчики проголодались, так как на детском празднике они почти ничего не ели, и, пока мы делали покупки, наши дети ходили по магазину, пошатываясь из стороны в сторо-

ну, словно у них вдруг ослабли мышцы, и хватали с полок что попало. Мы с Джейком, повинуюсь чувству ответственности, уподобились работникам службы безопасности магазина: стали резко одергивать детей и убирать на место шоколадные батончики. То, что мы друг на друга не смотрели и друг к другу не прикасались, значения не имело. За годы совместной жизни мы научились выступать одной командой, стали, можно сказать, единомышленниками. Мы делали – или не делали – одно и то же.

Меня потрясло то, как сильно новая реальность была похожа на прежнюю, как мы все еще могли действовать дружно и исполнять свои обязанности слаженно.

В тот вечер ужин на себя взял Джейк. Они с Пэдди готовили бургеры, и Джейк разрешил нашему старшему сыну колотить по отбивным кулаками. А потом мы купали детей, и это тоже было как обычно. Джейк сидел около ванны и сдерживал буйство мальчишек в воде, а я суетилась рядом, доставала из шкафа пижамы, стелила постель, а потом читала мальчикам на ночь книжки. Я делала все это и гадала: неужели мы сможем вот так прожить всю жизнь, не глядя друг другу в глаза?

Иногда я гадаю: может ли кто-нибудь что-то представить до того, как оно случится? Брак и материнство в каком-то смысле смерть. Никто не выходит из этого таким же, каким был раньше.

Даже теперь мне трудно смотреть на ту женщину (меня), на тех мальчиков (моих сыновей) ясно и четко. Мое зрение до сих пор искажено, оно пропитано нашей общей кровью, а также их странствиями по моему измученному телу.

Глава 9

После ужина, когда дети играли на полу, Джейк подошел и сел рядом со мной. Мне до сих пор кажется, что он тогда хотел предложить мне посмотреть сериал или фильм, когда дети заснут, – так мы поступали с тех пор, как я забеременела Тэдом. Я часто гадала потом, что бы случилось, если бы мы так и сделали. Я вижу эту воображаемую возможность – она наверняка существует в каких-то иных измерениях, – вижу так же ясно, как все, что случилось на самом деле.

Я положила бы Джейку ноги на колени, и уж это определенно выглядело бы как прощение. Он позволил бы мне взять пульт – это стало первой из множества поблажек – мы повернулись бы лицом к экрану, дали бы ему поглотить нас, и кино сделалось бы живым существом, бесконечной альтернативной реальностью. А в другой вечер, не в этот, но вскоре после этого, Джейк положил бы руку на мои ступни. Это стало бы первым прикосновением, и мы сумели бы все начать сначала.

Но как только заснули мальчики, легла в кровать и я. Перед этим поухаживав за кожей. Это было действие сродни детским молитвам перед сном. Я наносила ночной крем на лицо ровными круговыми движениями, нежно и бережно прикасаясь к щекам. Прежде чем выключить свет, я нанесла крем на руки – дорогуший, с исключительно органическими ин-

гредиентами, призванными создавать иллюзию успокоения и помогающими заснуть. «Ночь вполне может быть нормальной, – мысленно сказала я себе. – Я весь день совершала самые обычные поступки. Я веду себя как всегда».

Я еще даже засыпать не начала, когда услышала шаги Джейка. Я мысленно отдалась странному чувству – попыталась притвориться спящей, заставить себя дышать как можно ровнее и медленнее. Но муж сел на край кровати, и под весом его тела матрас немного наклонился.

Наверное, мне стоило включить ночник, но я не стала этого делать. В эти мгновения любое движение представлялось мне капитуляцией, согласием с тем, что Джейк имеет право находиться рядом со мной.

– Что тебе нужно? – проговорила я тише, чем хотела, почти шепотом.

Темнота естественным образом приглушила мой голос, и слова прозвучали больше как обычный вопрос, чем как обвинение. Тихие звуки заполнили пространство между нами.

Силуэт Джейка в темноте изменился – словно бы груда камней медленно задвигалась. Глядя на мужа искоса, я могла представить, что он прижал ладонь ко лбу. Но на самом деле я видела его очертания смутно, и руку он мог держать где угодно.

Как только я вынула руку из-под подушки и повернулась на бок, силуэт Джейка, снова изменившись, приблизился. Его рука потянулась к проводу ночника. Я выставила руку

и не дала мужу включить свет. В этот момент я задела его предплечье ногтем. Видимо, зацепила кожу чуточку зазубренным краем не толще остря булавки.

– Черт! Что это было? Включи свет!

Я нащупала в темноте выключатель. Негромкий щелчок – и наконец зажегся свет. Джейк, опустив голову и прищурившись, принялся разглядывать свою руку.

Я инстинктивно потянулась к нему, как всегда тянулась к детям, когда им было больно, чтобы утешить их и унять боль бальзамом материнской любви. Царапина была поверхностной, бледно-розовой, но она была заметна. Я хотела прикоснуться к ней, но Джейк вдруг вздрогнул всем телом, будто бы очнулся от краткого, но глубокого сна.

Его голос прозвучал обиженно, как у маленького мальчика:

– Зачем ты это сделала?

– Это вышло случайно, Джейк. Я же ничего не видела.

Снова становилось трудно разговаривать с ним – я обратила на это внимание. Что-то возникало у меня в горле, двигалось, как кадык, мешало произносить слова. Мне чего-то хотелось от Джейка, но если бы он сказал об этом, меня, наверное, сразу бы стошнило прямо на кровать. Я представляла, что из меня словно бы может вылететь пробка, мешавшая говорить. И тогда я начну кричать и не смогу остановиться.

– Я пришел поговорить с тобой, – сказал Джейк. – Я не должен был этого делать. Это был просто секс, клянусь. Так

глупо.

Я сама не заметила, как мои руки начали подниматься вверх вдоль шеи, к вискам. Я ощутила мягкость своих волос, откинула их набок и прижала кончики пальцев к ушам. Я стала качаться из стороны в сторону, ощущая тяжесть собственного черепа, этот груз, который я носила на себе день за днем. «Нет, нет, нет, нет...» – словно бы произносила я. В эти мгновения я стала ребенком. Мое тело под ночной сорочкой было нежным, оно уютно свернулось под одеялом. Я лежала на боку, согнув ноги в коленях и стиснув зубы. Мучение.

– Прошу тебя, заткнись. Уйди!

Я была способна произносить только отдельные, едва различимые слова.

– Я просто хочу помочь тебе, – донесся до меня голос Джейка.

Он встал с кровати. Я ощущала его присутствие – он находился где-то рядом с книжными полками или туалетным столиком. Как призрак.

– Помочь мне? Помочь мне?

Ощущение... скопления игл и разрывающих плоть когтей было почти нестерпимым. Но я пока что находилась внутри своего кокона, и оно не захватило меня целиком. Еще нет! Я услышала, как Джейк выдохнул и пошел к двери. Я представила себе гребень самой высокой волны в мире. Вот как мне теперь предстояло жить – не позволять себе рухнуть вниз.

Но когда Джейк ушел, я всем телом испытала это жуткое чувство. Я бросилась к закрытой двери, набросилась на нее, словно это была грудь мужа, и принялась бить кулаками по древесине, и била до тех пор, пока у меня не разболелись руки. Я думала, что Джейк вернется, поднимется ко мне, но в доме было тихо. Я боялась, что в какой-то момент рухну на пол от слабости, но, видимо, я все же добрела до кровати, легла и заснула.

Иногда в детстве я открывала ту книгу только для того, чтобы посмотреть на гарпий, внимательно рассмотреть, как вырастают из их спин крылья, как легко они становятся продолжением плеч и поднимают гарпий в воздух.

Мне хотелось понять, почему у гарпий такие лица – свирепые, искаженные ненавистью. Я хотела побольше порасспрашивать об этом маму, но слова замирали на моих губах, оставляя кислый привкус под языком, и я их не произносила.

Глава 10

Остаток выходных прошел в суете привычных дел. Я была изумлена тем, как легко и просто оказалось почти не разговаривать с Джейком и не прикасаться к нему. Воскресенье тянулось медленно, минуты казались бесконечными. К концу дня дети раскапризничались и поссорились друг с другом. Но к понедельнику что-то переменялось. Мы словно бы начали двигаться быстрее, как будто заевшая пленка в кассете нашей жизни набрала скорость и устремилась в другую сторону, в реальность быстрой перемотки.

Воспоминания о субботе все еще были сильны, и меня слегка замутило, когда я насыпала кофе в стеклянный кофейник, и повсюду распространился его аромат. Я налила в кофейник горячую воду из чайника и поймала на себе взгляд Джейка. Он посмотрел на меня так, будто видел впервые. В этот момент мы с ним снова стали чужими, незнакомыми людьми. Как будто мы не спали вместе тысячи, тысячи раз и он не видел, как я рожаю его детей.

Субботний Джейк словно бы был совсем другим, не тем, который сидел в понедельник в кухне, озаренный ярким солнцем. Его волосы наполнились светом, они были чуточку взъерошены с одной стороны, потому что он спал на диване. Муж корчил смешные рожицы, глядя на детей, чтобы уговорить Тэда съесть три лишние ложки каши. Пэдди был в

полном восторге. Он ухал и стонал от хохота и раскачивался на стуле назад и вперед, пока Джейк не переключился на серьезный лад и не велел сыну перестать качаться и сесть прямо.

Подобное всегда казалось мне чем-то вроде чуда – то, как Джейку удавалось вести себя с детьми так, будто бы у нас с ним все нормально. Мои родители этого не умели. Все их ссоры происходили у меня на глазах. Им словно бы никто никогда не говорил, что это нехорошо для детей. Взрослея, я размышляла о том, не было ли у моих отца и матери некоего либерального убеждения на предмет того, что дети должны видеть все стороны жизни, дабы укрепляться разумом и душой. Позднее я поняла: нет, никакой теории или особого плана у них не было. Просто-напросто такими уж они были людьми.

Я ощущала какое-то сходство между тем временем и теперешним. В воздухе витал какой-то привкус прошлого. Я вспоминала, как после скандалов у моих родителей прибавлялось сил, как наш дом словно бы двигался по своей траектории, быстрее всей планеты, и я порой гадала, как это мы до сих пор не оторвались от земли.

Я всегда подозревала, что ссоры мгновенно выветривались из головы родителей, испарялись, как будто их и не было вовсе. Но ко мне их скандалы возвращались постоянно: проползали в щели под дверями, впитывались в страницы книг, которые я читала, витали в воздухе едва уловимым,

ускользающим запахом. Находиться рядом с подобной агрессией мучительно, однако не находиться рядом было гораздо хуже: это значило вздрагивать от любого шума, обзавестись навсегда странными страхами. Я стала бояться ярмарочных аттракционов, громких строительных работ и лая собак.

* * *

В тот день для нас утреннее прощание было необычным. Мы не поцеловались. Этого не смог сделать даже Джейк, эксперт по нормальности. Вместо поцелуя он помахал мне рукой, поворачиваясь к двери. Даже взглядом со мной не встретился. Я проводила взглядом его и мальчиков. Джейк взял под мышку школьные рюкзаки, которые сыновья отказались нести сами. Я слышала его голос, когда он переводил детей через дорогу и велел им быть осторожнее. Он был в теплом пальто и вязаной шапке. Под пальто он надел хороший джемпер – подарок его матери. Под джемпером была белоснежная хлопковая рубашка с тонкими синими полосками. А под рубашкой – я это знала – была царапина. Теперь она стала еще бледнее, приобрела персиковый цвет, и краешки кожи уже начали срастаться.

Джейк бы точно сказал, как этот процесс называется. У него был научный склад ума, он был биологом по профессии, изучал пчел. Иногда приносил домой крошечные фрагменты своих работ и время от времени что-то мне объяснял

простым, понятным языком. Однажды он мне объяснил, что название «пчелиная царица» неверно по сути. Царица вовсе не правит в улье. Ее единственная функция состоит в рождении потомства. Вот это дело полностью в ее власти.

В школе учителя спрашивали, почему я то и дело рисую ее – женицину с крыльями, длинными волосами и обвисшим животом. «Она птица? – спрашивали меня. – Она колдунья?» Я качала головой и ничего им не отвечала.

Я никогда не говорила о ней своим подружкам, не упоминала ее во время наших игр. Я прятала ее внутри себя, на самом краю поля зрения. Она появлялась и тут же исчезала.

Глава 11

После того как муж и дети ушли, мое сознание словно бы распалось на части. Разрозненные настроения потонули в пространстве пустых комнат. Именно здесь я впервые попробовала удаленную работу и как будто стала жить удаленной жизнью, перенесла все свое существование в стены этого дома, взятого в аренду. Я прожила в этом городе большую часть жизни – уезжала только на учебу в университете в другой город, который был почти близнецом этого, – но мне раньше никогда не удавалось стать хозяйкой хотя бы части собственности. А здесь, в этом доме, я обрела свое место, пусть даже на какое-то время. «Разве жизнь – это, в принципе, не временное явление? – спрашивала я у себя. – Разве постоянство – не фантазия?» И все же я ничего не могла поделать со своим желанием постоянства, я хотела почувствовать безопасность, обрести иллюзию, будто четыре стены могут сберечь твою жизнь, удержат на земле.

В первые годы нашего супружества мы побаивались думать о покупке дома, то мы были слишком небогаты, то чего-то боялись – об этом можно рассказать по-разному, – а потом покупка недвижимости стала невозможной. Карьера Джейка продвигалась очень медленно, моя толком и не началась, а цены в нашем районе поднялись быстро, выросли, как плесень внутри забытой банки. Теперь купить здесь дом

могли бы только банкиры, корпоративные юристы, высокооплачиваемые сотрудники мультинациональных фармацевтических компаний – люди, доходы которых странным образом шли вразрез с их вкусами. Они украшали свои дома эдвардианскими витражными окнами, а на полки ставили книги, оставшиеся со времен учебы в университете.

В этих домах большинство женщин не работали. Их мужья были настолько заняты бизнесом, что им требовались домохозяйки, няньки, они хотели, чтобы кто-то постоянно суетился и порхал в доме. Женщина – жена – могла быть и тем и этим, и пятым и десятым, а еще могла чем-то себя занять, к примеру, стать членом родительского комитета.

Даже не знаю, почему я считала, что чем-то от них отличаюсь. Нет, наверняка я была точно такой же, только денег у меня было меньше. Сегодня, как и в любой другой рабочий день, я должна была написать текст – руководство для термоклеевой брошюровочной машины. В подростковом возрасте я мечтала стать писательницей и воображала, что буду сочинять нечто более содержательное, чем фразу, которую довела до ума сегодня: *«Во избежание несчастных случаев располагайте провода так, чтобы за них нельзя было зацепиться при ходьбе»*. Но, возможно, мне не удалось бы сочинить ничего более полезного – такого, что могло бы спасти кого-то от смерти.

До рождения детей я нашла работу в университетском издательстве, и это было очень близко к интеллектуальной

жизни, к получению степени доктора философии, возможностью обретения которой я когда-то не воспользовалась. Я продвигалась от строки к строке плотных, скучных текстов, находила ошибки, правила их. Я продолжала заниматься этой работой даже после рождения Пэди и оправдывалась за каждую его болезнь всякий раз, когда вынуждена была отпрашиваться. Меня окружали коллеги-мужчины, работавшие допоздна и очень быстро, и запах их пота наполнял небольшой офис. Я понимала, что речь идет о моих амбициях, но когда я стала фрилансером (после рождения Тэда, чтобы проводить больше времени с детьми), мне пришлось работать с чем попало: с гостиничными буклетами, проспектами частных школ, материалами тренинга разных компаний. Я убеждала себя в том, что так я вижу мир, что я его описываю. Может быть, так оно и было.

Но сегодня я никак не могла сосредоточиться. Я бесцельно бродила по комнатам, смотрела в окна, пытаюсь что-то увидеть. Стала наблюдать за женщиной, которая переходила дорогу с детьми. Она была бледна, все краски ее лица растворились в том, что ее окружало – домах, улице, яркой одежде ее детей. Переходя через проезжую часть, женщина шла впереди детей, заслоняя их собой.

Я ушла на кухню и приготовила себе чай. Не дождавшись, пока он хоть немного остынет, я сделала глоток и обожгла кончик языка. Я не могла перестать думать о Ванессе, ее быстрых взглядах, ее самовлюбленности и о том, как она

улыбалась Джейку. «По-матерински», – думала я раньше. У меня противно засосало под ложечкой. Я зажмурилась и попыталась медленнее дышать, но передо мной все время возникал силуэт Джейка в полутьме, и мой резкий бросок к нему, и призрачные очертания царапины, похожей на линию губ, пытающихся что-то сказать.

Глава 12

В тот вечер Джейк вернулся поздно, и я прекрасно поняла, что дело не в поездах. Пока дети плескались в ванне, я проверила расписание в Интернете, сидя на лестнице, ведущей на чердак. Свет экрана моего смартфона в сумерках дарил мне некоторое утешение. Я пролистывала страницу прибытия поездов большим пальцем. Справа на табло красовалась зеленая галочка – значит, все поезда прибыли вовремя. «Это просто факты, – напоминала я себе, – просто сведения, ничего личного».

Муж не прислал ни одного сообщения. Черный экран телефона напоминал мне о тех давних вечерах, когда я ждала, что Джейк ответит. Это было в первые дни, когда мы начали пользоваться мобильными телефонами, и я получала незатейливые уведомления: *«Получено одно сообщение»*. Я тогда могла оставить мобильник в своей комнате и улечься в ванну на два, а то и три часа, откладывая момент возвращения к телефону. Бывало, я говорила людям: *«Когда мы с Джейком познакомились, мы были почти что детьми»*. Нам было по двадцать, мы были идеалистами, детишками, намеревавшимися спасти мир. Мы не ведали, что творили.

Я вытащила детей из ванны. Обоих поднимала повыше, вытирала им волосы полотенцем и, притворяясь роботом – *роботом-феном*, – дула им в шею. Мальчишкам это нрави-

лось, они хохотали, запрокидывая голову, и просили еще. А потом Тэд уткнулся головой мне в подмышку и долго визжал от удовольствия. Но когда Пэдди стал чистить зубы, я заметила, что он наблюдает за мной. Сын слегка прищурил глаза и посмотрел на меня искоса с легкой подозрительностью. Его рот был полон вспененной зубной пасты. Пэдди не спускал с меня глаз, пока я вынимала пробку из ванны, доставала коврик и старательно его трясла, одной рукой собирала с пола грязные носки, а другой поправляла зубную щетку во рту Тэда.

– Мамочка, с тобой все хорошо?

Ради детей я старалась вести себя спокойно. Наверняка могла быть тысяча причин для опоздания Джейка. Авария, болезнь, поломка локомотива. Теракт. Или Джейк решил пойти выпить с коллегами. Раньше такое случалось. Я наблюдала за тем, как мои мысли постепенно захлестывает волна неведения. Невысокая. Но издалека цунами обычно выглядят невысокими, а потом грозят погубить все на своем пути.

«Как же так, – думала я, – я всегда верила Джейку и даже не особо слушала его объяснения...» Я помнила, что зачастую радовалась, когда муж не приходил домой. После того как я целый день возилась с детьми, мне уже не хотелось ничего, кроме тишины, наполненной ванны и ощущения собственной кожи. Мне всегда нужно было много времени проводить наедине с собой. В этом смысле можно сказать, что

я не очень-то годилась для замужества. Но мы долго были счастливы, я точно знаю, что были. Есть фотографии, где мы сняты в день помолвки на вершине холма. Наши улыбки почти стерты солнцем.

* * *

Как только Тэд заснул, я осторожно слезла с кровати, ухватившись за обтянутую мягкой тканью спинку и постаравшись не задеть сына. Я пошла в ванную и встала перед большим зеркалом, где могла увидеть себя во весь рост. Но уже почти ничего не было видно, и я закрыла ставни и включила свет. Мое платье промокло под мышками, на нем появилось несколько пятнышек от масла, которым я пользовалась, готовя ужин. На щеке чернела размазанная тушь для ресниц. В итоге я вынуждена была задать себе вопрос: чем я отличалась от Ванессы? Я же прекрасно знала, как она выглядит. Я даже знала, как она пахнет – несколько раз я улавливала на одежде Джейка ее аромат, теперь я это понимала. От нее пахло гелем для душа и стиральным порошком. И чем-то еще, исходящим из самой ее глубины.

Ванесса. Меня стошнило в раковину. На самом деле, если приглядеться, как же ужасно выглядят отверстия стока в раковинах. На них какая-то тягучая зеленоватая слизь. Я знала, что это никуда не уйдет, сколько ни лей в раковину всякой химии.

«Просто секс».

Меня снова вырвало. Я сплюнула в раковину и вытерла губы. В этот момент мне трудно было вообразить их – Джейка и Ванессу, Ванессу и Джейка – кроме как в самых изощренных порнографических позах. Я почти не могла представить себе их лица. Если я старалась изо всех сил, передо мной представало нечто наподобие графического изображения их половых органов крупным планом. Нечто самое элементарное. Что-то случилось с моим воображением, оно стало каким-то извращенным, чем-то вроде путешествия в самые темные уголки Интернета.

К десяти вечера Джейка все еще не было дома. К этому времени я выпила половину бутылки вина – крепкого красного. И чем больше я его пила, тем горше оно становилось. Я сняла испачканное платье и нашла в глубинах гардероба нечто черное и блестящее. Я хватала вещи, сжимала в кулаке, срывала с плечиков футболки и юбки и швыряла на пол. Я знала, что если следовать киношной логике, то я должна была выпотрошить гардероб Джейка, а не свой. Но это у меня не получилось: мне не хотелось прикасаться ни к одной из его вещей. Нестерпимо было вновь ощутить *ее* запах.

Самой главной ноткой *ее* запаха был то ли шампунь, то ли дезодорант с землистым ароматом, больше похожим на мужской парфюм. Что-то напоминающее запах виски, сигар и дымящихся луж минеральной воды, которой залили костер, или мужского пота на клетчатой рубашке, пота, к которому

примешивается запах благоухающей листвы. Я думаю о походе с палаткой и без детей. И я вижу в этом походе ее, не себя. Я вижу, как Ванесса сидит у входа в палатку, совсем как в классическом романе, скрестив лодыжки. Она приглаживает волосы и смеется в ответ на какую-то фразу Джейка. Ее мышцы под юбкой такие же крепкие, как в тот день, когда она появилась на свет. Я увидела, как Джейк шепчет ей что-то на ухо, говорит, какая она милая, какая притягательная, насколько она лучше меня...

Чтобы перестать размышлять в таком духе, мне пришлось пошевелиться, нужно было чем-то себя занять. Я загрузила белье в стиральную машину, хотя вешать его было некуда, и так весь дом был завешан влажной одеждой. Даже в больших комнатах не было достаточно тепло, при том что отопление работало всюю. «Нужно бы разжечь огонь в камине», – подумала я, но я понятия не имела, как это делает Джейк, этим всегда занимался он. Вместо этого я принялась подметать полы. Я быстро передвигалась по комнатам в коротком черном платье, с подвеской с фальшивыми бриллиантами на груди. Я надевала это платье на торжественные мероприятия в старинном университете Джейка. Это было платье для коктейлей, оно очень хорошо облегало мою фигуру и ловко сидело на бедрах. Но теперь мое тело каким-то образом перестроилось. Думаю, во всем был виноват нож хирурга, который производил кесарево сечение. Это был практикант, он только учился своему ремеслу. Декольте стало слишком глу-

боким для моей увеличившейся груди – был заметен бюстгальтер с цельными чашечками. Если я опускала голову, то могла уткнуться подбородком в собственную плоть. На миг я подумала о том, не смогу ли себя таким образом удушить, если постараюсь как следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.